

Шэнь Цзю смотрел на собравшихся сельчан с невозмутимым, спокойным видом, в его глазах не было ни тени тревоги. Он спросил обыденным тоном:

— Уважаемые односельчане, зачем вы пожаловали ко мне?

— У тебя еще хватает наглости спрашивать, распутная дрянь! Ты позоришь всю деревню! Староста, Шэнь Цзю совершил столь бесстыдный поступок, его необходимо немедленно изгнать из деревни! — молодой паренек в бледно-зеленом халате с праведным гневом указал на него пальцем и продолжил: — В нашей деревне еще столько невинных юношей. Если чужаки узнают об этом позоре, как нам потом смотреть людям в глаза? Все мы страдаем из-за этого исчадия бед, на нас будут показывать пальцем!

Паренек распалялся всё сильнее, и в его взгляде читалось такое злорадство, словно он был готов вырвать из Шэнь Цзю кусок мяса, лишь бы утолить свою ненависть. Остальные сельчане явно разделяли его чувства: едва он закончил, как все вокруг закивали в знак согласия. Глядя на Шэнь Цзю, они кривились, будто увидели кучу нечистот.

— Вы хотите выгнать меня из деревни? — Шэнь Цзю приподнял веки и спросил с полуулыбкой, голос его звучал мягко и почти ласково.

Чжан Сунцзы, Чжан Сяочунь и Ли Бацзинь, прятавшиеся в толпе, при виде этой улыбки почувствовали, как у них зачесалась кожа головы, а по спине пробежал холодок. Все трое, словно по команде, молча и осторожно начали пятиться, пока не оказались в самом хвосте толпы. Лишь когда Шэнь Цзю скрылся из виду, они выдохнули и начали судорожно вытирать рукавами холодный пот со лбов.

— Что он задумал? — шепотом спросил Чжан Сяочунь.

Чжан Сунцзы покачал головой:

— Не знаю.

Он посмотрел на толпу перед собой с жалостью. Кто знает, что взбрело в голову Шэнь Цзю? Скорее всего, он решил, что его слишком долго притесняли, и теперь хочет отплатить той же монетой, устроив этот переполох.

Слушая гневный гул голосов, Шэнь Цзю отчетливо ощущал враждебность, исходящую от односельчан. Он растянул губы в улыбке и легко произнес:

— Хотите выгнать меня? Хорошо. Пусть выйдет несколько человек. Если одолеете меня — я безропотно подчинюсь вашим требованиям. Если проиграете — будете делать то, что скажу я. А если нет... — он улыбнулся так светло и мягко, что казалось, повеяло весенним ветром, и его взгляд медленно скользнул по людям. — В конце концов, я ведь исчадие бед и источник напастей. Кто заставит меня расстроиться — тому я не дам покоя. Если доведете меня до крайности, я просто останусь здесь навсегда: будете кормить меня и поить. А если кто не захочет или вздумает сопротивляться — не обессудьте, если в драке получите увечья.

Разве могли сельчане поверить его словам? Худой, как бамбуковая палка, подросток — какая от него может быть угроза? Если они не справятся даже с таким, то станут посмешищем на всю округу! В толпе раздался смех: все считали, что Шэнь Цзю переоценил свои силы.

— Ты сам это сказал! Мы принимаем твои условия! — вперед вышел крепкий молодой мужчина.

— Раз уж тебе так хочется опозориться, я помогу тебе в этом! — следом вышел еще один.

— К чему пустая болтовня? У нас в поле еще полно работы, — на этот раз вышел мужчина средних лет.

Вскоре к ним присоединились еще трое. Всего шестеро мужчин — все как на подбор, здоровые и плечистые, от одного вида которых становилось не по себе.

Мясник Лю, пылая гневом, закричал:

— Да где ваша совесть?! Шестеро здоровенных мужиков нападают на беременного юношу! Не стыдно будет, если люди узнают?

— Он сам предложил, вся деревня слышала, — мужчина средних лет, криво ухмыляясь, размял шею.

Шэнь Цзю не выказал ни капли страха. Он спокойно сказал мяснику Лю:

— Дядюшка Лю, отойдите подальше, чтобы вас не задело.

Затем он обратился к шестерке противников:

— Мне все равно нужно в город, разберемся по пути, чтобы не тратить время.

Сказав это, он снял с плеч бамбуковую корзину и передал её мяснику Лю. В глазах того читалась явная тревога, но вмешиваться он не стал — в конце концов, это было решение самого Сяо Цзю.

Началась схватка. Шестеро мужчин окружили юношу, толпа отступила на несколько шагов, освобождая место. После первых же разменов ударами спокойное лицо Шэнь Цзю исказила ярость. Эти люди метили ему в живот, причем каждый удар был жестоким и явно преследовал цель навредить ребенку!

Поняв это, он больше не сдерживался. Ситуация мгновенно изменилась до неузнаваемости. Только что шестеро мужчин доминировали, но в мгновение ока двое из них были выведены из строя — судя по тому, как они катались по земле, корчась от боли, травмы были серьезными.

Чжан Сунцзы, стоявший в самом конце, глядя на жалкий вид поверженных, недобро усмехнулся. Ему стало даже весело: он-то на своей шкуре испытал, как больно дерется Шэнь Цзю, и до сих пор всё тело ныло от боли.

Зрители были ошеломлены — никто не ожидал, что Шэнь Цзю окажется настолько силен! Видя, что ситуация выходит из-под контроля, а на поле боя остались лишь двое, одним из которых был его собственный драгоценный сын, староста вынужден был вмешаться:

— Остановись!

Стал бы Шэнь Цзю его слушать? Конечно, нет! И не только не остановился, но и начал действовать еще жестче. Его улыбка стала зловещей и пугающе притягательной. Бросив взгляд на старосту, он проронил:

— Хотите, чтобы я остановился? Что ж, скажите что-нибудь приятное или попросите о пощаде. Из уважения к нашим соседским отношениям я, так и быть, проявлю некоторую снисходительность.

<http://bllate.org/book/19383/1895901>